

Один из известнейших театров на территории бывшего СССР недавно справил свой тридцатилетний юбилей! Правда, известнейшим он был среди любителей коллективов, но теперь стал независимым от государственных и ведомственных клубных систем.

Родился он так давно, что мало осталось вокруг него тех, кто знал его с самого начала,— другие знают его под разными именами, ибо ему приходилось менять имена, чтобы выжить.

Родился он как студенческий театр Львовского политехнического института, с первых же дней и по сию пору им руководит Борис Озеров, человек хулиганского и совершенно антиобщественного склада.

Борис Озеров и все, кого он приглашал ставить спектакли в «Гаудеамусе», в самой растаковски-политической и забойно-социальной пьесе искали то, что позволяло делать спектакли о любви, о надеждах, чаяниях, сомнениях реального человека. Его театр первым ставил пьесы Вампилова, Володина, Петрушевской, Шукшина — и в нынешние годы первым поставил «Ла фюнф ин дер люфт» А. Шипенко и одну из пьес моло-

дого московского драматурга, ныне парижанина, М. Волохова. Не раз эти первопостановки оказывались едва ли не лучшими. Самое удивительное, что из 51 спектакля, поставленного за тридцать лет в этом театре, закрыто было всего четыре! Б. Озеров и сам удивленно свел этот баланс: «Происшествие» Ф. Кривина, «В открытом море» С. Мрожека, «Горе от ума» А. Грибоедова и «Сырая нога» Л. Петрушевской.

Теперь о статусе. Получив режиссерское образование, Б. Озеров продолжал работать в «ящике» — как он говорит: получаю зарплату за то, что делаю бомбу. А его ведущие актеры стали руководителями местных органов власти, главами совместных фирм. И сейчас, получив юридическую самостоятельность, «Гаудеамус» имеет актеров, работающих в других местах в государственных и независимых структурах, и главного режиссера, Озерова то есть, зарабатывающего на жизнь не спектаклями. Театр тем не менее профессиональный. Наконец все стало с головы на ноги: уровень профессионализма, а не диплом определял положение.

Озеров ставит спектакли только о любви. «Скамейка» А. Гельмана (1983) в этом театре не о том, как извращенная моральная атмосфера социума растит

лжецов; в спектакле речь про то, как настоящее чувство против воли и привычек самого человека заставляет его быть правдивым — и как это сложно, не врать, не притворяться.

«Игроки» Гоголя (1984) — никаких современных аллюзий, разоблачений. Спектакль о том, как цинизм способен надругаться над верой. И о том, что бесче-

в одном ДК — начальство закрыло ДК на ремонт. Пустили в другой — там тоже ходу не дают. Еще немного — и в активе будет пятый закрытый спектакль. За дело взялся один из друзей театра, Юрий Асадчих. В местный СТД пришла телеграмма из Москвы за подписью одного из виднейших мастеров советского театра, члена ЦК КПСС, и прочая, и

ничего нельзя было отметить, пришла новая телеграмма из Москвы: срочный вызов на международный фестиваль мешает известному актеру приехать во Львов, но он это обязательно сделает позже...

Только на праздновании тридцатилетия театра сам Борис Озеров узнал, что обе телеграммы — работа Юрия Асадчих и его московских друзей. А знаменитый актер и знать не знает о том, как его ждали во Львове начальственные люди. Имя актера? Да теперь это уже неважно! Человек этот порядочный, многим помог, и хорошо, что одно только его имя принесло пользу.

А на тридцатилетии театра приятно было особенно вот что: приехали гости из Москвы, почти со всей Украины, в их числе — друг театра чуть не со дня основания, писатель Феликс Кривин. Атмосфера особой душевности и братства напомнила о том, что еще сравнительно недавно, полтора десятка лет назад, вокруг любого театра вращалось довольно много людей, которых можно было назвать «друзья театрального дома». Они бывали в гостях у работников театра, а те — у них. Они запросто приходили за кулисы, на репетиции, в гримерные, их мнение о спектакле выражалось восприятие публичной работ театра, и, соответственно, по принципу обратной связи они создавали театру авторитет в городе. В этом проявляла себя одна из старейших теат-

ральных традиций, она почти ушла из нашей жизни, но то, как притягивает и удерживает вокруг себя людей «Гаудеамус», показывает, что такая традиция еще может возродиться.

Здесь были и спонсоры, «добрые гении» независимого театра, без которых он лишился бы своей свободы и без нажима властей: ставший генеральным директором НПЦ «Прометей» Юрий Асадчих, ректор западноукраинского института управления и социальных инициатив Сергей Монсеевко, поступавший когда-то на режиссуру в ГИТИС Вадим Горбань — ныне руководитель фирмы МаркКОМ, и Юрий Сливка, возглавляющий фирму МКФБ.

Когда такие люди в бывшей стране советской есть, то Борис Озеров может уже подумывать о том, чтобы оставить свою «бомбу» и целиком отдать свою любовь «Гаудеамусу». Недавно киевский режиссер Марк Нестантинер поставил здесь «Записки сумасшедшего» Гоголя, москвич Сергей Столяров начинает репетировать «Кроткую» Достоевского, а сам Озеров обратился к Чехову.

Простите его, молодые драматурги! Но, как и многие до него, к своему пятидесятилетнему режиссеру Борис Озеров идет рука об руку с классической пьесой.

Валерий БЕГУНОВ.

БОМБА ИЗ «ЯЩИКА»

ственный путь к успеху ведет к краху.

Постановка «Ла фюнф ин дер люфт» — о драме отставания от времени, о проклятом противоречии, когда те, кто не может жить друг без друга, тем не менее мучают друг друга как враги.

Кстати, с этой постановкой связана попытка придать театр в «перестроенном» 1989 году. Театр получил статус независимого студийного коллектива, вернул себе прежнее имя — «Гаудеамус» и стал... бомжем. Где играть? Прогрели

прочая (тогда это действовало даже на гордых украинцев...) Поднялась неимоверная суэта: популярный актер и важный политический деятель хотел посетить Львов и ознакомиться с постановкой театра «Гаудеамус» по пьесе любимого этим актером и деятелем молодого драматурга Шипенко Обком забронировал номер в лучшей гостинице, Асадчих под это дело не только добился разрешения показать премьеру в окрестном ДК, но и организовал десять показов в центре Львова. Когда уже